

Виктор Квашин

ТАЁЖНОЕ ЧУДО

Повести

Виктор Квашин
Таёжное чудо. Повести

«Издательские решения»

Квашин В.

Таёжное чудо. Повести / В. Квашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834476-3

Тайга — неласковое место. Многие едут в тайгу работать и после спешат вернуться в домашний уют. Бывает, человек заблудился, и уж тут не до красот, только бы вырваться. Некоторые в тайгу уходят. Уходят от людей и от себя. Но никто не спешит в тайгу искать счастья. Непонятно, как тайга выбирает среди людей того, кому неожиданно преподносит сюрприз, который внезапно меняет его размеренную жизнь.

ISBN 978-5-44-834476-3

© Квашин В.

© Издательские решения

Содержание

Чудо	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Таёжное чудо Повести

Виктор Квашин

Дизайнер обложки Владимир Квашин

© Виктор Квашин, 2018

© Владимир Квашин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-4476-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чудо

– Осторожно, двери закрываются, – сказал Санька и повесил микрофон.

Камкин тронул поезд.

– Почему следующую не объявляешь? – спросил у Саньки.

– Да надоело. И так все знают. Бубнишь целый день, как попугай.

– Объяви! Положено, – сказал Камкин.

Санька нехотя подчинился:

– Следующая станция «Матросики».

Поезд набрал скорость. Солнце нещадно палило сквозь лобовое стекло, покрытое пятнами от разбившихся насекомых.

– Никитич, а почему «Матросики» называется? – спросил Санька.

Камкина никто, кроме молодого помощника по отчеству не называл, и ему было немножко приятно ощущать себя начальником.

– Говорят, во время войны тут флотский госпиталь стоял. Слушай, Санька, скоро в отпуск, поехали вдвоём на рыбалку. На неделю. Мне тут одну речку посоветовали, говорят, форели немеряно.

– Не, не хочу. Чего там делать? Я мотоцикл покупаю, в байкбанду вступлю. У них классно. Зелёный, – доложил Санька цвет светофора.

– Вижу зелёный. Жаль, одному скучновато. В тайге тоже классно. Красиво.

– Никитич, а правда, что ты с Грядиным вместе учился?

– Правда.

– А что ж, он начальник, а ты до сих пор машинист?

– А вот так. Не всем же начальниками быть. Не люблю я.

– Никитич, долго мне ещё «попугаем» работать?

– Научишься поезд водить, тогда посмотрим.

– Да как же я научусь, если только остановки объявляю? Ты ж меня не учишь.

– Как я тебя учить буду? Смотри, запоминай.

– А тебя тоже так учили?

– О, меня учили! – Камкин помолчал, улыбнулся своим воспоминаниям. – Меня знаешь, как учили! Я после техникума на маневровый тепловоз помощником пришёл. Машинист, Михайлыч покойный, суровый был мужик, пожилой уже, он ещё после войны на паровозах начинал. Вот он меня учил! Раз, говорит, помощник, значит работа поровну. День со мной покатался, а потом говорит: «После обеда твоя смена». Пошёл в машинное отделение, на матрац завалился и спит. Вот я и учился. Первые дни на ногах не стоял к концу смены. Там же, на тепловозе только одну сторону видишь, не то, что на электричке. И манёвры постоянно. Туда – сюда, с одного пути на другой по всей станции, состав собирать знаешь как сложно! Да ещё за двигателями смотреть надо. Тормозим. Объявляй.

– «Матросики». Следующая – «Залесье». Повезло тебе, Никитич. А тут, разве научишься?

– Тогда время другое было. Теперь мигом диплома лишат, если узнают.

– Да как узнают, Никитич? Мы же одни. А-а, всё со мной ясно, до конца жизни буду остановки объявлять.

Камкин усмехнулся, глядя на лицо юного помощника.

– Ладно, Саня, учись. Становись на мое место, – взял микрофон. – Уважаемые пассажиры, будьте осторожны, двери закрываются. Следующая остановка – платформа «Залесье». Трогай, Саня. А я пойду по вагонам прогуляюсь, заодно щиты посмотрю. Если что, по громкой позовёшь. Да в кривой на сто тридцатом сигнал дать не забудь. Давай, дерзай.

Камкин шёл по вагонам. Народу сегодня не много, почти все сидят. Бабушки с помидорами в вёдрах, туристы с гитарой, почти раздетые девушки с наушниками в ушах, подвыпившие парни, торговки с мороженым и газетами, суровые контролёры с охранниками в камуфляжной форме. Музыка, пиво, разговоры, газеты. Горячий ветер из открытых окон. В тамбурах курят. Камкин не обращал внимания на нарушение порядка – не его это дело, пусть наряд следит. Он прислушивался к ходу поезда. Тронулся Санька почти нормально, лишь чуть дёрнул. Ход набирал медленно, осторожно. Это ничего, пару минут всегда можно нагнать. Теперь скорость была нормальной. «Перегон длинный, – думал Камкин, – успею вернуться до „Залесья“. Пусть парень попробует полную ответственность, раз так рвется в бой».

Камкин проверял электроцит в шестом вагоне, когда услышал свисток. Поезд накренился в кривой. «Сто тридцатый километр. Молодец, Санька, сигнал дал», – подумал Камкин, закрывая дверцы ключом, и тут же отлетел, больно ударившись плечом. Тормоза завизжали, вагон затрясло, и Камкин всем телом ощутил, как колёсные пары юзом скользят по изогнутым стальным рельсам, высекая искры и пытаясь выскочить из колеи. Он рывком оторвался от стенки тамбура и ринулся по вагонам. Лица бледные, женщины визжат, помидоры под ногами... Наконец, поезд остановился. Кажется, с рельсов не сошёл.

Санька стоял бледный, вцепившись в рукоятку управления.

– Что, Саня, кто? Человек?

– Нет, собачка.

– Что-о?

– Собака. Бежит и бежит по путям. И не сходит. И не оглядывается. Я подумал, может, глухая.

– Саня, ты с ума сошёл! На собаку экстренное! Да ещё в кривой!

– Да она со щеночком была.

– И где она? Задавил?

– Не знаю. Убежала.

Камкин с минуту молчал, приходя в себя.

– Так, помощничек, бегом марш проверять колесные пары! Обе стороны!

Взял микрофон.

– Уважаемые пассажиры, электропоезд совершил непредвиденную остановку. Причин для беспокойства нет. Скоро поедем.

Включил связь.

– Диспетчер, диспетчер, ответьте машинисту шестьсот двадцать седьмого.

– Слушаю, диспетчер.

– В четырнадцать двадцать одну совершил экстренное торможение на сто тридцатом километре.

– Причина?

Камкин помедлил.

– Корова на путях.

– Сбил?

– Нет. Метров двадцать не доехали. Ушла.

– Ясно, понятно. Проверяйте подвижной состав и трогайтесь. График мне не сорвите.

– Понял. Уже проверяем.

– Ну, и что мне с тобой делать, Камкин? – глядел поверх очков Грядин.

– А что, в первый раз экстренное, что ли? – Камкин стоял перед столом начальника и никак не мог побороть в себе робость. Вроде не так давно студентами вместе водку пили, а теперь он вон какой солидный.

– Да ты все колодки на поезде пожёг, тридцать две колёсные пары с ползунами! Перетачивать за чей счёт будем?

– А что я мог сделать? Согласно инструкции...

– Кто там тебе путь перешёл?

– Корова... – глядя в окно, сказал Камкин.

– Врать ты, Камкин, никогда не умел. Откуда там корова, в десяти километрах от деревни? Темнишь ты что-то. Помощником у тебя кто?

– Санька Гусев.

– Оба объяснительные пишите.

– Уже написали.

– Ладно, чёрт с ней, пусть будет корова. Ты мне скажи, что с твоей потерпевшей делать?

– С какой потерпевшей?

– С пассажиркой. Руку сломала, в суд грозитя подать.

– На меня?

– Нет, на железную дорогу.

– Она что, дура?

– Она не дура, она деньги отсудить хочет. И отсудит, если до суда дойдёт. А нас с тобой уволят. Понял? Короче, вот тебе её адрес, иди, договаривайся. Тут я тебе даже по дружбе ничем помочь не могу. Улаживай, как хочешь, плати там или ещё как, только чтобы суда не было. Ну, что ты смотришь? Иди, иди, Камкин, дел у меня без тебя хватает.

Камкин шёл к потерпевшей, прячась от ещё жаркого вечернего солнца в тени домов и старых тополей, и готовил примирительную речь. Он успел придумать несколько вариантов предстоящего разговора и был почти уверен в успехе, когда отыскал старый двухэтажный дом с нужным номером. Он присел на лавочку, вытащил сигарету. Камкин почти не курил, вернее, находился в вечной стадии бросания. Наверно это происходило потому, что сам Камкин не был уверен в том, что хочет бросить, но супруга настаивала и с помощью изуверских женских способов, можно сказать, принуждала. Сейчас он долго крутил в пальцах сигарету, потом, вспомнив слова супруги о том, что табачный дым угнетает мыслительные центры мозга, затолкал сигарету обратно в пачку.

Камкин трижды позвонил и уже собрался уходить, обрадовавшись объективной причине отмены неприятной встречи, как из-за двери послышался резкий женский голос.

– Кто?

– Извините, пожалуйста, я Камкин, машинист электропоезда...

– Кто-о?

Дверь приоткрылась на длину цепочки, и в щели появилась половина лица классической стервы лет сорока пяти с бигудями в сиреневых волосах. Она вперилась в Камкина одним глазом с накрашенной бровью.

– Чего надо?

– Я машинист электропоезда, в котором вы получили травму. Я...

– Деньги принёс?

Камкин опешил.

– Какие деньги?

– До свиданья!

Дверь захлопнулась, чуть не прищемив Камкину пальцы. Он растерялся, полез, было за сигаретой. Наглость всегда шокировала его. Но вспомнилось строгое лицо Грядина. Проблему нужно было решать. Он снова позвонил, теперь уже решительно. Дверь открылась мгновенно, нараспашку. Потерпевшая в синем домашнем халате, с обвисшей грудью без бюстгалтера и с загипсованной по локоть рукой, смотрела с издевательской усмешкой.

– Начальство послало уговаривать? Не на ту напали! Так и передай.

Она хотела снова закрыть дверь, но Камкин успел поставить ногу.

– Ты что! Ну-ка, отпусти! Милицию вызову!

– Ну, давайте хотя бы поговорим... Ну, пожалуйста! – взмолился Камкин, понимая полный провал предприятия.

Дверь снова распахнулась.

– Поговорить хочешь? Неси бутылку – поговорим.

Камкин стоял с открытым от неожиданного поворота событий ртом.

– У тебя что, и на бутылку денег нет? – презрительно усмехнулась потерпевшая.

– Есть, конечно, есть. Я быстро... Я сейчас...

Камкин кинулся вниз по лестнице, но вернулся.

– Скажите, а где ближайший магазин?

– Теперь магазины везде, было бы желание. Ближайший за углом.

Камкин побежал было, но с площадки крикнул:

– А что брать-то? Вы что предпочитаете?

– Мы люди не гордые. Водки возьми. И закуску не забудь.

Камкин хотел было узнать, что взять на закуску, но дверь уже захлопнулась.

Они сидели за столом уже минут сорок. Бутылка заканчивалась, а Камкину никак не удалось перевести разговор на нужную тему. Жанна, так звали потерпевшую, увлеченно рассказывала Камкину обо всех «козлячествах» своего бывшего второго мужа и о потенциальных плюсах возможного третьего, некоего Эдика.

– А ты, Валерик, не жмот, не то, что мой бывший, вон какую дорогую водку взял, – неожиданно похвалила Жанна.

Камкин обрадовался, разлил остатки по стопкам.

– Вот и замечательно, Жанна, что вы меня правильно поняли. Давайте уладим все разногласия, чтобы не было взаимных претензий.

– А ты меня неправильно понял, Валера, без второй бутылки мы с тобой ничего не решим. Слетай быстренько, одна нога здесь, другая уже вернулась.

Пришлось подчиниться. Камкин вообще-то столько не пил. Над ним и в пассажирском депо все смеялись. Еще в молодую пору, прежде чем по девкам идти, для храбрости по стакану – и вперед. А он полстакана выпьет – и под стол. Друзья отчасти правы: если бы Верка сама его пьяного к себе не притащила, он так и ходил бы холостым.

Прогулка до магазина несколько освежила, и Камкин с порога взял быка за рога.

– Жанна, давайте решим вопрос о вашей травме, я оставлю вам бутылку, и разойдёмся с миром.

– Вопрос о травме ты, Валерик, решил, когда нажал на тормоза. Теперь вопрос о компенсации. Не хочешь со мной пить, забирай свою бутылку и проваливай. У меня к тебе претензий нет.

– Правда? Ура! – не сдержал радости Камкин. – А то меня начальник напугал, говорит, пострадавшая в суд подаёт...

Жанна молча забрала у Камкина бутылку, ловко свернула крышку.

– Садись, ненормальный, буду объяснять по слогам.

Камкину пришлось выпить.

– Вот это всё видишь? – Жанна обвела комнату рукой.

– Камкин проследил пьяным взглядом за рукой хозяйки и с улыбкой невпопад ляпнул:

– Да-а, мужика в доме нету.

– Не твое дело! Хотя, ты прав, нету. Но был. И не один. И всё это они заработали и благородно оставили мне при расставании. И всё это уже пережило срок эксплуатации. И мне уже не светит повстречать рыцаря на белом коне.

– Верно, – поддакнул Камкин, разглядывая морщинки на лице хозяйки, – я с вами полностью согласен.

– Перестань хамить даме! И прекрати говорить со мной на Вы, я ещё не отвыкла от обращения «девушка».

– Извините... Извини, Жанна, я только хотел сказать, что у тебя действительно обстановочка не очень, да и квартирка так себе.

– Ну и где я возьму столько денег? – закричала вдруг Жанна в самое лицо Камкину. – Где? А?

– Не знаю. Деньги – проблема.

– Да, Валерик, проблема! И вот, представь, случай! Фортуна, можно сказать, – Жанна потрясала загипсованной рукой перед лицом Камкина. – И я должна отказаться?

– Но ты же сказала, что без претензий.

– Ты что, придуриваешься или в аварии побывал?

– Да честно, Жанна, не понимаю. То ты одно говоришь, то совсем наоборот.

– К тебе претензий нет, ты парень хороший, только чокнутый немного. Претензии к железной дороге. Она богатая, цены на билеты, вон какие, вот пусть и платит.

– Жанна, меня же уволят!

– Да ладно, не прибедряйся, пойдёшь машинистом трамвая – та же железная дорога, только не угробишь никого. У меня подруга в трамвайном депо в бухгалтерии, хочешь, позвоню? Завтра работать будешь, ещё мне спасибо скажешь.

– Не, я железку люблю. Жанна, а нельзя как-нибудь по-другому?

– Нельзя. Я же тебе объяснила, деньги мне нужны.

– А сколько ты хочешь отсудить?

– Сто тысяч.

– Сто тысяч?! – Камкин почти протрезвел. – Я столько не достану...

– Да не грузись, Валерка, – Жанна обняла Камкина одной рукой и притянула к себе, как бы по дружески, – всё будет хорошо. Давай, лучше выпьем.

Камкину стало неуютно подмышкой у Жанны, он высвободился, выпил свою стопку не закусывая, налил ещё.

– Вставай, Камкин! Вставай, я тебе сказала! Как ты меня достал! На работу опоздаешь – выгонят, тогда я тебя точно брошу! – толкала в бок Верка. – На такси он раскатывает! В холодильнике пусто, а он на такси!

– На каком такси, Верунчик? – не мог прийти в себя Камкин.

– На жёлтом! Чудо несчастное! Вставай, я тебе говорю!

Супруга больно ударила Камкина, и он, кряхтя, поднялся. Голова трещала.

– Где был, я тебя спрашиваю?

Голос Верки больно отдавался в мозгу.

– Я тебе потом всё объясню, Верунчик.

– Я тебе дам «Верунчик»! Почему рубашка в помаде? У кого был, сволочь несчастная?

Под вопли супруги Камкин кое-как умылся, хлебнул холодного чая, от которого тут же затоснило, и поплёлся на работу.

– Ну, что, Камкин, вчера ты чуть аварию не совершил, сегодня пьяный на работу явился, – выговаривал Грядин. – Премии лишу в этом месяце.

– Так мой состав всё равно в депо. Ну, выпил малость... Я с потерпевшей разгуливал.

– Ну, и как?

– Не соглашается. Сто тысяч требует.

– Плохо ты разруливал, Камкин, плохо! Ничего ты толком сделать не можешь, даже с бабой поладить, – махнул Грядин рукой. – И что дальше? Учти, если полюбовно не решишь, уволю к чёртовой матери!

– Давайте как-то, это... деньги соберём. Я же не виноват, что она руку сломала.

– И собирай, Камкин, собирай, решай проблему. И побыстрее решай! Иди давай, Камкин.

– Так нет у меня денег. Я отпуск хотел попросить, чтобы отпускные... и, может, премию...

– Какую премию, Камкин? Ты точно не в своём уме. Премию ему! Пиши заявление на отпуск, и чтобы вопрос решил. Иди, некогда мне.

– О! Валерик! – удивилась Жанна и открыла дверь. – Неужели деньги принёс?

– Принёс, – буркнул Камкин.

– Вот это мужчина! Такое событие обмыть надо. Сгоняешь?

– И бутылку принёс.

– Да не сердись, Валерочка, ты же герой, ты спас бедную женщину от неминуемой нищеты. Заходи быстренько. Ну, хватит дуться, не порть даме праздник!

– Да не сержусь я. Голова болит.

– Садись за стол, разливай. А я, как чувствовала, такую соляночку сегодня сготовила.

– Жанна, ты только не обижайся...

– За вчерашнее что ли? Всё отлично было, чего мне обижаться.

– А что, у нас «было»?

Жанна расхохоталась.

– Да нет, конечно, Валера. А ты не помнишь? Ты весь вечер про супругу свою рассказывал, жаловался. Жаль, конечно, что «не было», может, у нас и сложилось бы. Я таких вещей, как твоя, со своими мужиками не допускала, какими бы они ни были. Мужик уважения требует, так я считаю.

– А как я в такси оказался?

– И это не помнишь? Я тебя посадила, – Жанна снова рассмеялась. – Наливай, давай.

– Я, в общем, не про то хотел сказать. Ты не обижайся, Жанна, я не все деньги принёс, – Камкин выложил пакет на стол. – На, вот, пересчитай.

Жанна сразу посуровела.

– Сколько здесь?

– Двадцать семь. Почти...

– Что значит «почти»?

– Ну, я бутылку из этой суммы купил. Больше у меня нет, это всё.

– Так ты свои деньги мне принёс?

– Да, отпускные и зарплата за последний месяц. Честное слово, больше нет. Я премию просил – не дали.

– Ты точно ненормальный, Валерка! На кой чёрт мне твои деньги? Я же тебе вчера весь вечер объясняла, что к тебе лично претензий нет, я с дороги сорвать хочу.

– Но тогда меня уволят, а я работать хочу, мне нравится поезд водить. А начальник сказал, разруливать с тобой, иначе выгонит.

– Козёл он, твой начальник. Давай выпьем. За тебя. Ты хороший парень, на таких и ездят.

– Жанна, так ты в суд подавать не будешь?

– Вот что, Валера, забирай свои деньги и живи спокойно. Не буду я в суд подавать. А то ты и квартиру продашь. Всё, закрыта тема.

– А как же ты жить будешь? Нет, я не возьму, это тебе, как договаривались.

– Да не договаривалась я с тобой! Один раз в жизни хотела нажиться и то на чудака нарвалась. Забери, что б я их больше не видела.

Камкин налил в стопки.

– Ты очень, очень хороший человек, Жанна! За тебя, – он выпил. – Но деньги не возьму.

Жанна долго изучающе смотрела на него, потом примиряющее сказала:

– Ладно, уговорил. Если бы не долги, ни за что не взяла бы.

Она вскрыла конверт, отсчитала десять тысяч.

– Остальное твоё. И не спорь! Тебе тоже семью кормить. И супруга меньше ругать будет. Упоминание о супруге снова испортило Камкину настроение. Он опять налил.

– Давай, Жанна, выпьем, да я ещё за одной схожу.

– Нет уж, хватит. Опять, как вчера, никакой домой поедешь. Забирай деньги и проваливай. Ни пуха тебе, Валерик!

Камкин уже выходил из подъезда, когда услышал:

– Валера! Приходи, когда плохо будет. Поболтаем.

– Ладно.

– Верусик, ну Верусик, – канючил Камкин, пытаясь погладить плечо супруги.

– Отвали, Камкин. Убери руку, я тебе сказала!

– Ну, Верусик, ну не сердись...

– Отодвинься, мне жарко. И вообще, иди на свой диван. Любовь заслужить надо!

– Да я разве...

– Иди, я тебе сказала! Разговор закончен.

Камкин нехотя вылез из-под одеяла.

– Правильно Жанна сказала, не уважаешь ты меня.

– Что? – подкинулась Верка. – Кто тебе что сказал? Так это ты Жанне наши семейные деньги отнёс? Дай немедленно мне её адрес! Адрес, я сказала!

– Не дам. Это компенсация, она руку сломала.

– Да хоть шею! Ты мне всю жизнь сломал, когда мне компенсация будет?

– Верунчик, ну перестань, я же не виноват. Грядин сказал, уволит, если не улажу.

– Вот Грядин – мужчина. Грядин свои деньги домой носит, а тебя, идиота, послал улаживать. Какая я дура, какая дура! Как ты меня обманул! Зачем я с тобой тогда связалась?

– Так ты же сама...

– Я сама?! Ах ты... – Верка запустила в Камкина тапочком, и он поспешил удалиться в свою комнатёнку, где даже телевизора не было.

– Ты что мне обещал? – доносилась Веркина ругань. – Ты клялся, что на море поедем. А сам отпуск раньше взял, да ещё все деньги какой-то бабе отнёс! Не поверю, что у тебя с ней ничего не было, гад ты паршивый!

– Да перестань, Верунчик, поедем на рыбалку, мне место классное подсказали.

– Ещё я комаров не кормила! – взвизгнула Верка. – Хватит мне зубы заговаривать! И не приближайся ко мне больше! Видеть тебя не могу.

Камкин по опыту знал, что далее возражать не следует.

Несколько дней Камкин провёл под домашним арестом. Супруга выставила ультиматум: «Из дому выйдешь – не возвращайся!». Он отремонтировал утюг, приклеил отвалившийся ещё год назад кафель и теперь целыми днями тупо сидел перед телевизором или спал на своём диванчике.

В пятницу Верка пришла с работы какая-то необычная. Камкин подумал было, что гроза миновала, но ошибся.

– Камкин, ты на рыбалку свою собирался?

- Да, но ты же...
- Вот и езжай. На неделю. Что уставился? Езжай, может, комары тебе разума добавят. И чтобы раньше следующей пятницы домой не появлялся. Понял?
- Да я как-то...
- Понял, я тебя спрашиваю? Вот бог меня наказал! Что б через час твоего духу здесь не было!
- Хорошо, Верунчик, спасибо. Только у меня денег нет, дай хоть на бензин рублей триста.
- А где же твои отпускные? – ехидно спросила Верка.
- Ты забрала.
- Ах, я забрала! Ты их своей Жанке отдал, вот у неё и проси.
- Ну, Верунчик, как же я поеду?
- Ладно, пользуйся моим отходчивым сердцем, на, вот, пятьсот. И запомни: неделю чтобы дома не появлялся! Я отдыхать от тебя буду. Вернёшься раньше – вообще разведусь.

Всё рыбацкое снаряжение было у Камкина в гараже: и удочки, и палатка, и тёплый спальный мешок, и котелки всякие. Была и заправка – консервы. Деньги Камкин от супруги не утаивал, а вот продукты длительного хранения покупал иногда с премии на всякий случай. Бывало, он и ночевал в гараже, когда Верка сильно рассердится. Вот и теперь он налегке сразу направился в гараж.

«Москвич» у Камкина всегда был в порядке. Раньше супруга любила, чтобы он её по магазинам возил. Теперь стесняется, на шопинг с полочки с подругой ездит на «Ауди», а за продуктами он и пешком сходить может.

Аккумулятор подсел. Пришлось нести к сторожам заряжать. У сторожей, как всегда по пятницам, к вечеру собралась компания, выпивали, обсуждали автомобильные дела.

- Камкин! Давно тебя не было. Куда собрался?
- На рыбалку. Кто со мной? Поехали, мне местечко рыбное подсказали.
- Это куда же?
- Верхний Волок.
- О, это ж самая тайга. В эту пору гнус всю кровь выпьет. Это не рыбалка. Давай, Камкин, подтягивайся лучше к нам, а рыбы для жены в магазине утром купишь.

Камкин пить отказался, подключил зарядку, попросил присмотреть и ушёл к себе в гараж. Пока проверил снаряжение, пока всё уложил, уже и ночь. Накрылся спальником и привычно заснул на заднем сиденье.

Из города выезжал на рассвете. Машин было ещё немного, дорога хорошая, «Москвич» бежал легко. Прохладный ветерок задувал в приоткрытое стекло, мелькали зеленые деревья, и на душе становилось как-то свободнее, что ли.

Часа через три свернул на просёлок. В Горелом тормознул у магазина, уточнил у прохожего дорогу на Верхний Волок. Тот с сомнением посмотрел на авто Камкина.

– Рискуешь. Если на броне сядешь, там вытаскивать некому. Хотя, сейчас вода малая, может и проедешь.

Камкин проехал. Не было еще случая, чтобы не проехал! Он за то и любил забираться в глухомань, что нравилось ему преодоление препятствий, нравилось выходить победителем в ситуации, когда неоткуда ждать помощи. За это же и работу свою любил, что сам, один на один. На людях же Камкин терялся, становился в подчинённое положение, зачастую совершал нелепые ошибки, за что не раз был осмеян. И ещё в таких поездках было у него «секретное оружие» – маленькая ручная лебёдка с невероятно удачным соотношением шестерён. За полчаса из любого болота «Москвич» выдёргивал, было бы, за что трос зацепить.

До Верхнего Волока насчитал двенадцать бродов. На одном застрял, но ненадолго. Собственно, дорога большей частью шла по руслу речки. Солнце к полудню палило. После преодоления каждого брода Камкин останавливался умыться, полюбоваться перекатом, высмотреть рыбу. В общем-то, спешить было некуда. Вода была ледяной и хрустально чистой. Рыба мелькала среди камней, иногда плескала, и Камкин предвкушал удовольствие от предстоящей рыбной ловли. Если уж здесь столько рыбы, то в верховьях следовало ожидать полное изобилие.

Обычно в дороге он не ел, но в этот раз путь оказался непредвиденно долгим из-за плохой дороги. На одном перекате и пообедал. Заодно позагорал, разглядывая иссиня-белые ноги и размышляя о том, что надо бы почаще выбираться из города.

В село Верхний Волок Камкин прибыл под вечер. По-видимому, это был бывший леспромхозовский пункт, каких немало в дальних таёжных углах. Лес выбрали, заготовка кончилась, а люди остались жить-доживать.

Следуя наставлениям рыбака, разговаривая с которым, Камкин продержал электричку на станции лишние две минуты, за что получил выговор, по-настоящему хорошая рыбалка была километрах в десяти выше села. Он проехал два десятка замшелых срубов, стоящих порознь с обеих сторон улицы, и сразу за последним двором уткнулся в русло, заваленное корчами. На другом берегу дорога не просматривалась. Значит, дальше пешком, как и объяснял тот рыбак.

Камкин выехал задом к последнему дому, посигналил. На крыльцо выскочил пацанчик лет шести, тут же исчез и появился уже в сопровождении матери.

– Здравствуйте. Можно у вас машину оставить?

– Оставляйте, чего спрашивать. Вон, под черёмуху загоните, чтоб не на солнце, и пусть стоит.

– А во двор нельзя? Я на несколько дней уйду.

– У нас не воруют, ничего с ней не станет.

– Да знаете, украсть не украдут, а молодёжь нашкодить может. Она не заминирована, – невпопад пошутил Камкин.

– Нас взрывать – себе в убыток, – улыбнулась хозяйка. – Наше село если вдруг исчезнет, лет десять никто не хватится. Ну, ставьте во двор, если ворота откроете. Там навес отвалился.

– Откроем, куда они денутся, – сказал Камкин. – Инструмент у вас найдётся?

– Пашка! Вот куда уже исчез!

А Пашка уже тащил из сарая чуть ни волоком плотницкий ящик.

– Давай-ка, – забрал Камкин ношу.

– Вот здесь петля отпала! – активизировался юный помощник.

Камкин порылся в ржавом железе. Добыл разболтанный молоток и пару подходящих гвоздей, прибил навес. Затем достал из багажника масло, смазал шарниры.

– А где коса? Прокосить бы надо, замну ведь траву, потом не прокосишь.

– Пойдём, покажу, – Пашка рад был услужить. – Только она высоко, мамка её от меня прячет.

Ворота распахнулись почти сами. Камкин завёл машину во двор.

– Пашка, собери траву, задай козе, – сказала мать.

– У вас коза? Можно посмотреть?

– Пойдём, я тебе покажу, – снова вызвался Пашка. – Её Люська зовут, у неё козлята, им месяц уже. Мамка говорит, скоро продавать будем. А мне жалко, пусть бы у нас жили. Только у нас денег нет.

Коза с достоинством приняла угощение и стала жевать. Два козлёнка толкали её в вымя.

– Что поделаешь, Павел, взрослые дела-заботы – они такие. Мать слушать надо, она плохого не сделает. Хорошая коза. И козлята тоже. Пойдем уже, мне уходить пора.

Пашкина мать стояла на крыльце в лёгком платьице, просвечивающем на солнце, и Камкин поймал себя на том, что рассматривает её ладную фигуру. Он смутился.

– Спасибо, хозяйка, пойду я. За стоянку рыбой расплачусь. Говорят, здесь добрая рыбалка.

– Мужики, кто рыбачит, без улова не возвращаются.

– Дядь Витя нам вот такого харюза приносил! – доложил Пашка.

Хозяйка почему-то нахмурилась, потом улыбнулась Камкину.

– Да вы уже расплатились – ворота нам починили. Вас как зовут-то?

– Камкин.

– А меня Лена, – она вдруг как-то озорно рассмеялась. – Мне вас что, товарищем Камкиным называть?

– Супруга так зовёт, – смутился Камкин, – все так зовут. Я привык.

Лена поморщилась.

– Не понимаю, как можно любимого человека по фамилии называть. Ну, а имя у вас есть?

– Конечно. Валера. Валерий Никитич.

– Я так и думала, что у вас приятное имя, – улыбнулась Лена.

– Как это, приятное?

– А я, знаете, имена на вкус воспринимаю. Есть вкусные, Константин, например, – как изысканная конфета. Есть кислые, есть просто противные. Валера – приятное имя. Так что, товарищ Валера, может, чайку перед дорогой?

– Спасибо. Хочу успеть дотемна подальше уйти. Соскучился по тайге. Пойду я.

– Ну, счастливо!

Ушёл Камкин не очень далеко. Заметная поначалу тропка вскоре совсем исчезла. Берегом идти было плохо: то корчи, то густой ельник до самой воды. Болотные сапоги вырвали. Но и в них не везде можно было пробраться. На перекатах, когда переходил реку, вода иной раз захлестывала за голенища.

Камкин радовался отсутствию тропы: чем меньше река доступна, тем больше в ней рыбы. Рыбачить можно было уже здесь. На перекатах рыба металась с перепугу, и видно было, что крупная. Но хотелось забраться подальше, в самую девственную глухомань. И не ради богатого улова. Камкин желал полного, гарантированного уединения, где он сможет чувствовать себя абсолютно самостоятельным.

В таких местах Камкин ощущал себя совершенно другим человеком. Он был способен выжить в любых условиях, преодолеть любую стихию, он бы и с медведем поборолся, если понадобится. Главное, чтобы никто не командовал.

Солнце спряталось за сопку, в лесу сразу стало сумрачно. Разом налетели комары. Пора было становиться на ночлег.

Как любил говаривать старый машинист Михайлыч, опыт не пропьёшь. Камкин удачно выбрал пятачок для лежанки и кострища. И через полчаса для ночёвки всё было готово, котелок висел над огнём, а сам Камкин стоял с удочкой на перекате.

Двух хариусов вполне хватило, чтобы наесться досыта, и теперь Камкин возлежал под пологом, попивал крепкий чай, смотрел на первые звезды и совершенно бесконтрольно курил. Он не брал в такие походы палатку. В ней темно и скучно. Куска тонкого брезента вполне хватало, чтобы прикрыться от дождя и ветра. Зато можно было наблюдать, как меняется природа на закате, смотреть на реку или просто бездумно глазеть на угли в костре.

Спалось легко. Утро было росное, свежее. Глотнув вчерашнего чая, Камкин заспешил в путь. Он решил сегодня непременно достичь того места, о котором говорил рыбак. В общем-то, особого смысла в этом не было. Просто это была цель, которую Камкин сам перед собой

поставил и теперь должен был выполнить. Сам себе должен, не кому-нибудь. А перед собой не оправдаешься.

Главной приметой того места, куда стремился Камкин, был водопад, выше которого и была «настоящая рыбалка».

Сегодня путь не был легче, пожалуй, даже труднее. Солнце пылало уже в зените, а водопада всё не было. Камкин вымотался, отдыхать приходилось всё чаще. Доставала налетевшая мошка. Но самое плохое, Камкин начал пить. Переходя очередным бродом, он зачерпнул ладонью глоток хрустальной влаги. Через пару минут ещё несколько глотков. И всё! Теперь он пил без остановки. Потная рубашка прилипла к телу, жажда одолевала, но хуже всего, с каждым освежающим глотком он терял силы.

Камкин решил остановиться отдохнуть. Лучшим средством борьбы с жаждой был горячий крепкий чай. Он сбросил набивший плечи рюкзак, отошёл в лес в поисках сухостоя. Необычный звук привлёк внимание, вроде как двигатель работает. Камкин расстроился, почти запаниковал: стоило тащиться в такую даль, чтобы оказаться рядом с лесосекой! Но шум, вернее, рёв был равномерно мощным. И Камкин догадался: это же водопад! Просто у реки его не было слышно. Он тут же забыл о чае, взвалил на спину рюкзак и поспешил вперёд.

Водопад предстал перед Камкиным за очередным поворотом реки. Распадок в этом месте сужался, его борта становились крутыми, почти отвесными. Собственно, каньон здесь заканчивался, упирался в скальную стену, с которой по узкому жёлобу каскадами с грохотом, пеной и брызгами стекала вода. В точном смысле это был слив, а не водопад. Но красоту его это не уменьшало. Перепад высоты падения воды был метров пятнадцать, но на преодоление этих метров у Камкина ушло полчаса и последние силы. Он отошел от водопада с полкилометра и, выбрав пологий участок берега, решил здесь остановиться.

Последующие дни были одним сплошным удовольствием. Рыбы было тьма! Камкин привязал самый большой крючок, закидывал безо всякой наживки, но рыбе было всё равно – брала сразу, рывком, будто старалась опередить сородичей. Конечно, Камкину не нужно было столько, и он просто ради спортивного удовольствия ловил и тут же отпускал, приговаривая:

– Живи! Хорошо вам тут – свобода...

Камкин оценил настойчивый совет рыбака добраться именно в это место. В свое время лесорубная техника не смогла одолеть крутизну каньона у водопада, и теперь вырубки хоть и заросли довольно высоким лесом, никак не могли сравниться с тайгой выше водопада. Здесь не было подростка, не было кустов и лиан, лишь огромные облищаенные стволы гигантов-кедров, да изредка пихт, а под ними толстый слой тёмно-зелёного мха и золотистой прошлогодней хвои. Стоило отойти подальше от реки, охватывал со всех сторон таинственный полумрак и полная, глухая, всеобъемлющая тишина. Неслышно было даже собственных шагов.

Камкин никогда не был в таком лесу. Он с трепетом, с каким-то религиозным преклонением трогал кору деревьев, возраст которых превосходил человеческий в десятки раз.

Но сплошная тёмная стена вокруг быстро надоела, захотелось простора. На третий день Камкин разведая выше по течению более-менее открытое место у реки, и перебрался со своим скрбом туда.

То ли река смыла лес необычайно высоким паводком, то ли геология виновата, или состав почвы иной, но в этом месте не росли высокие деревья. Лишь нечастые кусты обрамляли поляну со стороны леса, остальное пространство занимали весёлые травы, а у самого берега полоса чистого чёрного песка. Камкин не знал, что так высоко в горах можно встретить песчаный пляж. И самое замечательное – здесь не было ни комаров, ни мошки. Это было верхом блаженства.

Когда надоело бродить по перекатам с удочкой, Камкин окунался в ледяную воду, а затем валялся раздетый на горячем песке с кружкой чая и сигаретой, и ни о чем не думал.

Вечером он занимался тем же, только у костра – сидел, смотрел в огонь, курил и попивал крепкий чай. Камкин вообще любил чай. Особенно свежесваренный, крепкий и с сигаретой. Но Вера ругалась, говорила, что чай пьют только зеки, что от этого выпадают зубы и волосы, а лысый и беззубый супруг ей не нужен, и что весь цивилизованный мир пьёт кофе. Камкина от крепкого кофе тошнило, а слабый не давал никакого удовольствия, поэтому он пил компот, или покупную воду, а чай заваривал, когда бывал вне поля зрения супруги. А здесь, в тайге, он просто не хотел отказывать себе делать то, что любит. И Камкин пил чай, курил и смотрел в костёр.

Все-таки, чая он выпил лишнего – среди ночи проснулся. Было светло. «Луна взошла», – подумал Камкин. Ночь в горах зябкая, вылезать из спальника не хотелось. Камкин ещё повертелся с боку на бок, наконец, выбрался из уютного логова, сунул ноги в сапоги, побрёл, протирая глаза на поляну... И вдруг остолбенел. Свет исходил не от луны – на противоположном берегу светилось дерево! Камкин ещё днем обратил внимание на старый тополь и удивился, как он тут вырос среди сплошных хвойных, но чего в тайге ни бывает. И вот, этот тополь сейчас светился ровным ярким светом и освещал всю округу. Камкин забыл, зачем проснулся. Он глазел на необычайное явление и не знал, что он должен с этим делать. «Может, я сплю?» – Камкин ущипнул себя за нос, ещё потёр глаза. Дерево светилось, как новогодняя ёлка. Можно было различить каждый его лист. Камкин натянул голенища и побрёл на другой берег. Днём он здесь переходил. Но теперь оказалось сложнее, под самым берегом упал. Ледяная вода миглом привела в чувство. «Теперь я точно не сплю». Вскрабкался на утёс к тополю, подошёл вплотную. Толстый ствол не издавал света, тёмным круглым столбом он уходил в светящуюся крону и, казалось, прорезал её, как инородное тело. На удивление, и здесь, вблизи дерево светилось всё тем же ровным спокойным светом, не режущим глаз. Камкин отыскал острый камешек, поковырял кору. Нет, под корой света не возникало. Тогда он попытался добыть светящийся лист. Он пробовал залезть по стволу, достать ветви палкой, швырял камни. Наконец, один листок оторвался и ярким пропеллером стал падать в реку. Камкин бросился за ним, покатился с обрыва, больно ударился. И все-таки лист ему достался. Он застрял в папоротниках у самой воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.